

А. А. Громыко

Директор Института Европы Российской академии наук,
руководитель Центра британских исследований, доктор политических наук,
член-корреспондент Российской академии наук, профессор РАН

Неопределенность будущего и будущее неопределенности: ускользающая стратегия

Будущее почти всегда в человеческом восприятии предстает неопределенным. Но разные народы к будущему относятся по-разному. Стремление занять достойное место в жизни, желание построить счастливую жизнь не раз приводили российский народ в состояние пассионарности, требовали мобилизации сил. Россиянам есть чем гордиться в своей истории — в истории нашего государства было немало взлетов к подлинному величию. Однако так сложна история, что «золотой век» в массовом сознании россиян ассоциируется не столько с прошлым, сколько с будущим.

В российской истории противостояние почвенников и неофитов, славянофилов и западников, т. е. ценителей традиции и ее ниспровергателей, — распространенное явление. Для россиянина настоящее — это, как правило, не продолжение прошлого, а предтеча будущего. Это надежда на то, что все изменится к лучшему.

В Европе же, в широком смысле, неопределенность будущего часто сопровождается тревогой. Последние десятилетия роднят ощущения европейца со средневековыми темами страха, даже с ожиданием конца света, окончанием того мира, к которому люди привыкли. Такие чувства причудливым образом переплетались с периодами эйфории, но новый духовный подъем всегда заканчивался возвращением пессимистических настроений.

В восьмидесятые Европа страшилась атомной войны между СССР и США из-за размещения по обе стороны «железного занавеса» ядерных ракет средней и меньшей дальности. В 86-м разразился Чернобыль. Эйфория, вызванная окончанием холодной войны, сменилась трагедией конфликтов на постсоветском пространстве, югославскими войнами, борьбой за сохранение территориальной целостности самой России. Перестроечные иллюзии были омрачены драмами и трагедиями миллионов людей, которые оказывались, так сказать, не «по ту сторону» границ после развала СССР.

На рубеже тысячелетий ожидания счастливого «конца истории» сменились мрачными прогнозами «столкновения цивилизаций». Приближение в летоисчислении магической цифры «2000» одни связывали со Страшным судом, другие — с «компьютерным апокалипсисом».

Не успел новый миллениум начаться, как новые масштабы приобрела проблема международного терроризма, с которым Россия уже боролась в течение нескольких лет. В 2008–2009 гг. Европу и мир сотрясала Великая рецессия, а в 2020 г. — пандемия COVID-19.

До 2020-х Европа жила в глобальном мире — апогее неолиберальной модели глобализации. К настоящему времени эта модель свой ресурс почти выработала: западная часть мира в целом рассталась с иллюзиями однополярности. Вовсю идет становление полицентризма.

В восприятии международных событий сталкиваются два подхода. Первый характеризуется прорывным характером мировых и региональных процессов, неожиданностью происходящего и стремительностью. Как правило, главным субъектом истории при этом считается личность. Речь идет о «событийной истории».

Второй подход делает упор на инерционности, закономерности глобального развития. Главным двигателем прогресса считаются такие крупные категории, как государства, социальные страты, цивилизации. Субъективный фактор отступает на второй или третий план. Речь идет об истории структур, о «медленной истории».

В обоих случаях — в случае абсолютизации изменчивости истории и в случае абсолютизации ее постоянства — существует опасность оказаться в одной и той же логической ловушке. Действительно, если переломные моменты в истории столь стремительны, что непредсказуемы, или, напротив, если происходящее на наших глазах — лишь событийная рябь на глади «медленной истории», то прогностическая функция науки теряет смысл.

Если невозможно прогнозировать, то международные исследования представляют интерес лишь с точки зрения ретроспективного изучения истории, т. е. изучения того, что уже произошло. Другими словами, следует признать, что они целесообразны только для изучения прошлого, но бессильны в анализе будущего.

Находясь между «молотом» постоянства в истории и «наковальной» изменчивости, важно определиться с постоянными и переменными «в уравнении» мировой геополитики. Например, климат, географию, религию, культуру, исторический опыт можно отнести к постоянным факторам, а международное право, экономические, социальные, политические процессы — к переменным. Только с учетом и того, и другого открывается возможность эффективно применять прогностическую функцию науки, а значит, на основе этого заниматься стратегическим планированием.

А что такое «стратегическое планирование»? — Это нетрудно определить. Крупный игрок в международных отношениях стремится к трем вещам:

— во-первых, к осознанию главных закономерностей современности, к пониманию регионального и глобального контекста своих действий, другими словами — к пониманию внешней среды, которой игрок окружен;

— во-вторых, на основе анализа крупный игрок претендует на способность к вычленению главных вызовов и угроз, на выстраивание их в порядке приоритетности;

— в-третьих, на основе первых двух способностей крупный игрок расставляет свои приоритеты и вырабатывает механизмы реагирования на наиболее сильные внешние риски и угрозы.

Три эти способности можно также сформулировать в виде трех, на первый взгляд, простых вопросов: «Что происходит вокруг?», «Каковы риски для меня?» и «Что я должен делать?».

Россия, которая пытается найти ответы на эти вопросы, находится, пожалуй, в самой сложной геополитической ситуации за последние тридцать лет, а возможно, и с середины XX века. Текущие обстоятельства требуют напряжения всех сил, включая временный переход фактически к полумобилизационному режиму развития. Полномасштабная конфронтация с Западом обещает быть достаточно длительным процессом.

Определенная разрядка в будущем наверняка наступит, но это случится, когда в мировой политике не только установится, но и будет признано новое соотношение сил. На его основе возникнет и новый *modus vivendi*, некая новая ситуация мирного сосуществования.

Чтобы достигнуть благоприятного исхода нынешнего этапа острого противостояния с Западом, необходимо не только эффективно защищаться от внешних угроз, но и осуществлять комплекс мер по повышению собственной устойчивости и стрессоустойчивости. В первую очередь, на мой взгляд, речь идет об ускоренной модернизации и диверсификации экономики и о снижении социального неравенства за счет повышения уровня жизни населения.

Итак, неопределенность будущего лишь усиливается по ходу XXI века. Мы с вами находимся в эпицентре эпохи каскадной дестабилизации. Будущее же неопределенности зависит от способности к стратегическому мышлению главных мировых центров силы, в том числе зависит от состояния дел в фундаментальной науке. Причем фактор неопределенности не обязательно должен быть элементом дестабилизации.

Однако для этого в обществе должны работать механизмы прогнозирования, форсайта. Если таких механизмов нет или они недостаточно развиты, то состояние неопределенности будет восприниматься намного больше как угроза, нежели возможность. А этого не хотелось бы допустить.